

Алексей Варламов

Алексей Варламов

Алексей
ТОЛСТОЙ:
ИГРАТЬ
САМОГО СЕБЯ

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Издательство
АСТ
Москва

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8
В18

Художник АНДРЕЙ РЫБАКОВ

В оформлении книги использованы материалы
из фотобанка Vostock Photo

Варламов, Алексей Николаевич.

В18 Алексей Толстой: играть самого себя / Алексей Варламов; вступ. ст. Дмитрия Бака. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2023. — 682, [6] с., ил. — (Литературные биографии).

ISBN 978-5-17-152971-0

Алексей Варламов, автор многих романов и жизнеописаний известных людей, написал биографию «красного графа» Алексея Толстого. Прозаик, известный каждому с детского возраста, окажется совсем не таким, каким его представляют читатели. Эмигрант и патриот, государственник и анархист, эгоист и образцовый семьянин — фигура сплошь противоречивая и оттого бесконечно интересная...

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8

ISBN 978-5-17-152971-0

- © Варламов А.Н.
- © Бак Д.П., вступительная статья
- © Vostock Photo, изображения
- © ООО «Издательство АСТ»

Содержание

По всем звездам. <i>Дмитрий Бак</i>	7
Глава 1. Свидетельство о рождении	13
Глава 2. Алеханушка	33
Глава 3. Петербург	59
Глава 4. Триумфальная арка	73
Глава 5. Поединок	96
Глава 6. Путь к прозе	116
Глава 7. Кто отрезал хвост у обезьяны?	142
Глава 8. Год Собаки	160
Глава 9. Любовь, любовь, небесный воин	183
Глава 10. Призвание	204
Глава 11. Восемнадцатый год	227
Глава 12. Хождение за три моря	246
Глава 13. Русский Париж	266
Глава 14. Русский Берлин	304
Глава 15. Back in the USSR	354
Глава 16. Патент на тараканьи бега, или Как янычар обошел Абдулку	391
Глава 17. Зеркальце феминизма	420

Глава 18. Третий слева	464
Глава 19. Петр и Алексей	498
Глава 20. Тот, кто получает пощечины	537
Глава 21. Город женщин	563
Глава 22. Красный смех	592
Глава 23. Хеппенинг, или Стамбул для бедных	632
Глава 24. «Не люблю ее финала»	667

По всем звездам

Алексей Варламов выпускает жизнеописание Алексея Толстого в дни (хочется даже сказать «во дни...»), когда все книги кажутся написанными сызнова, все биографии — заново собранными из деталей, вроде бы вполне готовых, общеизвестных, но получивших новый отсвет, прямо по сентябрьским (1914) словам Блока: «Кровавый отсвет в лицах есть...»

Цикл варламовских биографий русских литераторов и мыслителей первой половины прошлого столетия (Розанов, Булгаков, Платонов, Пришвин...) привлекает читателя единством и продуманной взвешенностью подхода к фактам и событиям. Автор прекрасно знает эпоху: его герои тесно связаны как друг с другом, так и с единым горизонтом исторических событий. У биографа нет ни малейшего намерения заострить и без того забористое, акцентировать полузапретное, выдвинуть на первый план апокрифическое, недоказанное или недосказанное.

Так же построена и биография Алексея Николаевича Толстого, за свою творческую жизнь успешного — последовательно и параллельно — побывать в очень разных ролях: поэта-декадента и человека, бросившего вызов непримиримой русской эмиграции, советского классика и литературного профессионала-ремесленника, конъюнктурщика, выполнявшего заказы власти, и — независимого от внешних влияний самобытного художника-универсала, публиковавшего стихи и драмы, рассказы и романы, публицистические очерки и историко-документальные повествования, а также научную фантастику и литературные сказки для детей...

Автор жизнеописания то и дело уступает слово свидетелям и мемуаристам, среди которых немало тех, с кем у «третьего Толстого»¹ отношения складывались весьма непросто: Бунин и Эренбург, Чуковский и Булгаков, Пришвин и Горький — перечень далеко не полный.

Поиски «объективного», непредвзятого освещения обстоятельств жизни Толстого при таком подходе почти фатально сопряжены с множеством затруднений. Бунин, например, изображает жизнь семьи Толстых в первые «французские» годы как вполне благополучную, а тогдашняя жена Алексея Николаевича Наталья Крандиевская пишет, что «жизнь в Париже была трудной». Автор биографии роняет в этом месте почти отчаянную фразу: «Как извлечь из всего этого среднеарифметическое?» Далее следуют предсказуемые обоснования противоречивости и неабсолютной достоверности каких бы то ни было свидетельств, а также указания на сложность жизненного поведения и характера самого А. Толстого.

Чтобы найти единство в разновекторных поступках героя биографии автору нередко приходится спорить не только с теми, кто высказывал суждения о Толстом, но и с самим собою, искать не единую вневременную логику поступков героя биографии, но динамику развития самообоснований и мотивировок его литературного и бытового поведения. Скажем, почему сторонник «музыки революции» после 1905 года вдруг превращается в поэта-декадента? Это не только осознанное решение литератора, трезво оценивающего свои перспективы в разных областях творчества, но и объективная логика внешних событий, приведших к разочарованию в революционных надеждах многих деятелей эпохи, например, авторов знаменитого сборника «Вехи» (1909).

И что в таком случае представляют собой бесконечные «переключения» Толстого, переходы к новым убеждениям и жанрам — чуткое улавливание крупных смысловых сдвигов в истории и искусстве либо попросту бескрылое следование всем изгибам изменчивой официальной линии? Автор биографии находит (либо заимствует у современников своего героя) четкие формулировки, относящиеся к обеим, по видимости протививо-

¹ Заглавие известного очерка Ивана Бунина об Алексее Толстом, выдержанного в тональности скепсиса и иронии.

речащим друг другу крайностям. С одной стороны, Толстой по-настоящему, без малейших скидок, одарен: «брюхом талантлив» (Ф. Сологуб), «творчество его от нутра» (Ф. Степун). С другой же стороны, автор биографии констатирует, что «Толстой был далек от высокого, трагического понимания роли художника. Он был профессионал, не считал себя пером в руках Бога».

Двойственное самоопределение героя варламовской биографии по отношению к литературной профессии сопряжено с подобным же двоящимся обликом человека, предающегося безудержному веселью, отдающего дань рискованным эскападам, но — как будто бы именно потому, что, по воспоминаниям Н. Крандиевской, ему было «враждебно всякое погружение в себя. Он этого боится, как черт ладана».

Крайне любопытны в книге Алексея Варламова разборы повестей и романов Толстого, его пьес и очерков — «Хромой барин» и «Гадюка», «Хождение по мукам» и «Петр». Писатель анализирует произведения другого писателя, невольно указывает на стилистические пробелы, отмечает удачи... В биографическом повествовании нечасто такое встретишь, осведомленный читатель не может не знать, что Варламов — известный и успешный прозаик, автор многих романов, получивших признание читателей и в этом смысле невольный соперник своего героя и внимательный литературный критик.

В наши дни достигнута такая историческая и смысловая дистанция по отношению к событиям первой половины прошлого столетия, что биография Алексея Толстого, как уже говорилось, объективно означает нечто большее, нежели просто жизнеописание одного из важных деятелей эпохи. Предреволюционные годы, равно как и первые советские десятилетия были прежде всего временем разобщения и раздора, распада некогда единого мира, после наполеоновских войн, пожалуй, не изведавшего столь крупных вызовов, расколовших мир на несводимые друг к другу «прекрасного разрозненные части» (Георгий Иванов). Изнутри советской задачи «построения социализма в одной отдельно взятой стране» внешний мир выглядел окончательно чужим и враждебным. Из-за пределов раннесоветской утопии все виделось симметрично и зеркально: за исключением скоропреходящих восторгов левой интеллигенции, европейцы (включая, разумеется, и русскую эмиграцию) новое государство воспринималось как полностью отрицавшее прежнюю Россию.

Алексей Толстой оказался в эпицентре встречных усилий обеих сторон, которые привели если не к примирению, то к восстановлению единства, началу диалога. Внутри СССР известное постановление ЦК ВКП(б) 1932 года уничтожило РАПП, оплот неистовых и нетерпимых блюстителей советской ортодоксии. Оказалось, что мир не черно-бел и не все литераторы, прямо не разделяющие марксистско-ленинские построения и догмы, вовсе не должны автоматически получать клеймо изменников и предателей. Это был шаг навстречу миру изнутри СССР. Но был и встречный шаг: центристское движение внутри русской эмиграции, набравшее силу после выхода в 1921 году в Праге знаменитого сборника «Смена вех». Начало было положено: новая Россия стала восприниматься как единственно возможная, реальная, несмотря на все смуты и трудности парадоксальным образом продолжающая, а не отрицающая тысячелетние традиции российской государственности. Уже цитировавшийся Георгий Иванов много позже напишет великое стихотворение «Свободен путь под Фермопилами...», четко фиксирующее момент, когда ощущение разрыва традиции сменилось убежденностью в преемственности:

...Стоят рождественские елочки,
Скрывая снежную тюрьму.
И голубые комсомолочки,
Визжа, купаются в Крыму.

Они ныряют над могилами,
С одной — стихи, с другой — жених...
...И Леонид под Фермопилами,
Конечно, умер и за них.

Предводитель трехсот героев-спартанцев, как видим, пал в пятом столетии до Р. Х. не только за Грецию, но и за Россию, причем в ее самом современном, советском изводе.

Алексей Толстой и по воле судеб, и благодаря историческому чутью и слуху оказался в самой сердцевине встречных течений российской мысли, политики, литературы: редактировал в Берлине сменовеховскую газету «Накануне», вернулся в СССР, так и не вступив в партию, стал олицетворением новой и сложнейшей эпохи для российского искусства. Третий Толстой все-

гда двигался вперед, ориентируясь по разным звездам. Этот путь был крайне рискованным и творчески, и репутационно, но он не был тупиковым и безысходным — это главный смысл нового прочтения биографии Алексея Толстого Алексеем Варламовым.

Дмитрий Бак

ГЛАВА 1

Свидетельство о рождении

Писателя Алексея Николаевича Толстого называли в Советском Союзе «красным графом». Иногда насмешливо, иногда уважительно. Молотов в 1936 году на VIII Чрезвычайном съезде Советов говорил: «Товарищи! Передо мной выступал здесь всем известный писатель Алексей Николаевич Толстой. Кто не знает, что это бывший граф Толстой! А теперь? Теперь он товарищ Толстой, один из лучших и самых популярных писателей земли советской — товарищ А.Н. Толстой. В этом виновата история. Но перемена-то произошла в лучшую сторону. С этим согласны мы вместе с самим А.Н. Толстым»¹.

Рассказывали анекдот о том, как в Детском Селе в кабинет к Толстому стучится лакей: «Ваше сиятельство, пора на партсобрание». Анекдот этот примечателен двумя неувязками. Толстой никогда не вступал в партию, но народная молва прочно его с ней повязала, а что касается «вашего сиятельства», то в эмиграции, да и не только в ней, были люди, в графстве Алексея Николаевича сильно сомневавшиеся либо не принимавшие его аристократический титул всерьез.

Мария Белкина, автор книги «Скрещение судеб», писала о своей встрече с другим советским графом, А.А. Игнатьевым, в конце 1930-х годов:

...По дороге на вокзал я встретила Алексея Алексеевича Игнатьева, и он, узнав, куда и зачем я еду, зарокотал, грассируя:

¹ Молотов В. Статьи и речи. 1935–1936. М., 1937. С. 225. (Здесь и далее примеч. авт.)

— Алешка хам, он вас не примет, я его знаю! И какой он граф? Он совсем и не граф... — сказал Алексей Алексеевич, так гордившийся своей родословной и с таким недоверием относившийся к родословной других. — Я позволю ему, езжайте, я прикажу ему вас принять!¹

«Прикажу» — так не может обращаться один граф к другому, так только с лакеями, с «людьми» говорят.

Сомневался в графстве Толстого и Бунин:

Был ли он действительно графом Толстым? Большевики — народ хитрый, они дают сведения о его родословной двусмысленно, неопределенно, — например, так: «А.Н. Толстой родился в 1883 году, в бывшей Самарской губернии, и детство провел в небольшом имении второго мужа его матери, Алексея Бострома, который был образованным человеком и материалистом...»

Тут без хитрости сказано только одно: «родился в 1883 году, в бывшей Самарской губернии...» Но где именно? В имении графа Николая Толстого или Бострома? Об этом ни слова, говорится только о том, где прошло его детство. Кроме того, полным молчанием обходится всегда граф Николай Толстой, так, точно он и не существовал на свете: полная неизвестность, что за человек он был, где жил, чем занимался, виделся ли когда-нибудь хоть раз в жизни с тем, кто весь свой век носил его имя, а от титула отрекся только тогда, когда возвратился из эмиграции в Россию².

Сам чувствуя некоторую неловкость от своей следовательской въедливости, Бунин оправдывался: «За всем тем касаюсь я его родословной только по той причине, что до своего возвращения в Россию он постоянно козырял своим титулом, спекулировал им и в литературе, и в жизни. Страсть ко всяческим житейским благам и к приобретению настолько велика была у него...»³

В дневнике своем уже много позднее после публикации «Третьего Толстого» (и, что примечательно, это предпоследняя запись в дневнике, от 23 февраля 1953 года) Бунин высказался и того определеннее: «Вчера Алданов рассказал, что сам Алешка Толстой говорил ему, что он, Т[олстой], до шестнадцати лет но-

¹ Белкина М. Скрещение судеб. М., 1992. С. 35–36.

² Бунин И. Собрание сочинений: В 8 т. М., 1993–2000. Т. 8. С. 302.

³ Там же.

сил фамилию Бострэм, а потом поехал к своему мнимому отцу графу Ник. Толстому и упросил узаконить его — графом Толстым»¹.

Итак, отец, по Алданову, получается мнимый, а с ним и мнимая фамилия, и мнимое графство. Так же категоричны были Роман Гуль и Нина Берберова, прямо утверждавшие, что Толстой — самозванец и на самом деле никакой он не Толстой, но Бостром, а знатную фамилию и титул себе присвоил.

«У графа Николая Толстого были два сына — Александр и Мстислав, — писал Роман Гуль. — В их семье гувернером был некто Бострем, с ним сошлась жена графа и забеременела. Толстой был человек благородный (а может быть, не хотел огласки, скандала) и покрыл любовный грех жены: ребенок родился *формально* как его сын — Толстой. Но после рождения Алексея Николаевича Толстого его “юридический” отец граф Н. Толстой порвал с женой все отношения. Порвали с ней отношения и сыновья — Александр и Мстислав. Оба они не считали Алексея ни графом, ни Толстым. Так ребенок Алексей Толстой и вырос у матери, в Самарской губернии. Но когда граф Николай Толстой скончался, уже взрослый Алешка как “сын” приехал получить свою часть наследства. И получил. С Мстиславом Толстым я встречался на юге Франции у своих знакомых Каминка, они были соседями по фермам недалеко от города Монтобана.

Только после рассказа М.Н. Толстого мне стала понятна суть той “биографии” Алексея Толстого, которую он, по настоянию Яценки, дал в “Новую русскую книгу”. В этой “биографии” Толстой не сказал решительно *ни одного биографического слова о себе*².

Как мы увидим дальше, в этом мемуаре очень много путаницы и откровенной нелепицы, но он показателен как источник, из которого появлялись мифы о незаконнорожденности Толстого.

А на самом деле граф или не граф, Толстой или нет — история появления на свет писателя Алексея Николаевича Толстого и получения им графского титула достойна отдельного романа. Она подробно рассказана литературоведом Ю.М. Оклянским в его насыщенной документами книге «Шумное захолустье», единственный недостаток которой заключается, пожалуй, лишь в определенной предвзятости по отношению к участникам

¹ Бунин И. Собрание сочинений: В 8 т. М., 1993–2000. Т. 7. С. 522.

² Гуль Р. Я унес Россию: Апология эмиграции. Т. 1: Россия в Германии. М., 2001. С. 299–300.